

Сегодня. - 1994. - 29 нояб. - с. 15

Вторник, 29 ноября, 1994

Фата морганы

«Лу (и Фриц, и Райнер, и Профессор...)»
Дэвида Джорджа. Режиссер Евгений
Каменькович. Художник Петр Гладилин.
В роли Лу Елена Коренева. Российское
государственное театральное агентство.
Австралийский совет по культуре

Петр Барбарисов

М

носпектакль — лучшая из форм, в которую можно было заключить историю жизни легендарной Лу Андреас-Саломе, вдохновительницы, возлюбленной, собеседницы Ницше, Рильке, Фрейда. Героиня одна рассказывает о себе.

Самолюбие всегда одерживает верх над памятью, как заметил один из великих немецких философов. Стремление привести в систему, упорядочить воспоминания сродни желанию лишить голоса свидетелей. Лу в спектакле делает своими свидетелями зрителей, много раз на-

помяная им, что по окончании разговора — умрет и унесет с собой какую-то последнюю, главную тайну. Механизм эмансипации, что ли. Или разгадку природы феминизма. Или смысл оргазма.

Лу в исполнении Елены Кореновой серьезна и последовательна. До тех самых пор, пока груды книг не образуют саркофага. Пока остается еще возможность морочить голову новыми изобретениями в области половой не-жизни. Но чем ближе к финалу, тем явственнее гротескные, фарсовые краски: слова, слова, слова отлетают, отшелушиваются, и слышится одинокой, умной и, в сущности, уже никому не нужной женщины становится все тоньше, все прозрачнее, чтобы наконец раствориться в тени громадной готической стены на заднике сценической площадки.

Созидательница новой гармонии тратит последние минуты на то, чтобы некрасиво, но азартно огрызнуться в сторону фрейдовского капища.

Австралийский драматург, как видно, покоренный русской женщиной Лу Андреас-Саломе, хотел сказать, как прекрасна, как трагична ее судьба, а заодно и судьба России. Режиссер не имел намерения показывать обратное. Да и актриса, конечно, не стремилась к бунту. Но как-то сама собой длинная исповедь героини скатилась от драмы к пародии на драму. От аванжного променада по собственной судьбе к шапоклякским кувыркам по предложенным обстоятельствам. Романтизм бесполости, экзотика запрета, иступленность интеллекта — все это померкло перед банальной мыслью зрителя о норме, покое и счастливой возможности не сделаться объектом психоанализа.

В СТОРОНУ

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

